

ПЕЧАЛЬНОЕ

рассказ

Сергей ПСАРЕВ

г. Санкт-Петербург

Утраты, смерть близких людей всегда выбивают из колеи, даже когда они кажутся неизбежным и ожидаемым печальным исходом.

В тот день, шестого января, Ремизов, по своему обыкновению, торопился с работы домой. Последние годы матушка его сильно сдала и нуждалась в помощи. Ей шёл восемьдесят пятый год. Иногда с грустью она говорила, что пережила мужа уже на два года: «Видно, и мне пора... Приходил он ко мне, говорил, что заждался».

Ремизов всегда называл её именно так: «матушка». Слово «мать» казалось ему грубым и жёстким, более подходящим для автобиографий, которых во время службы в армии и работы в закрытом НИИ он написал превеликое множество.

Сыновнюю заботу и внимание матушка, конечно, принимала, но испытывала при этом крайнюю неловкость. В жизни ей всё приходилось делать самой. Теперь она жалела сына, который, как ей казалось, тратил на неё слишком много своего времени. Труд, повседневный и ответственный, был важнейшей частью её жизни. Отсутствие забот огорчало и ослабляло матушку более всего.

Она была учительницей... Русский язык и литература в средней школе... Кто-то, возможно, сразу вспомнит, что этот предмет даёт учащимся знания о родном языке, умение правильно говорить и писать. Ремизов теперь уже не слишком хорошо разбирался во всех этих профессиональных тонкостях. Зато он хорошо помнил, что, когда матушка, будучи в преклонном возрасте, уезжала из родного приморского города к нему в Петербург, их купе в вагоне стало похоже на цветочную клумбу. Помнил, как стояли слёзы в глазах провожавших её учеников и коллег-учителей. В школе-интернате, где она работала директором, дети звали её за глаза «бабой Надей». Помнится, в армии некоторых командиров тоже называли батей. Так выражалось особое уважение к ним. Матушка Ремизова смогла стать родным человеком для этих подранков. Это не было проявлением жалости,

ведь ею можно легко обидеть. Рядом с «бабой Надей» дети чувствовали совсем иное — наверно, искреннее доброе участие.

Потом её сменит молодой и энергичный директор, которому она будет незаметно для всех помогать учиться понимать детей. Сама же матушка возьмет себе «группу выравнивания» из детей, отстававших в развитии. «Они совершенно нормальные, — часто говорила она, — просто им в жизни мало досталось внимания и любви». Действительно, эти дети со временем «выравнивались» и дальше учились уже в общих классах.

Непросто в таком возрасте начинать жизнь с нуля, на новом месте в большом городе. Еще какое-то время матушка продолжала работать в школе, но с каждым учебным годом это становилось всё труднее. Пятьдесят девять лет трудового стажа, и она ни разу не изменила выбранной профессии! Умница, обладающая литературным даром, воспитанная на русской классике. Она олицетворяла образ земской учительницы — с идеалами и прямой спиной, чувством собственного достоинства.

Это всегда ограждало матушку от всякой фривольности и пошлости. Была в ней особая, необъяснимая женская привлекательность. Только красота эта была не ярко-прелестная, а похожая на полевые цветы с её родного равнинного предгорья Кавказа.

В её жизни было много трудностей. Что же, судьба она и есть судьба, капризное чудовище. А человек на то и человек, чтобы терпеть, бороться и отстаивать, как только это возможно, собственное достоинство. Так она и боролась всю свою жизнь, что-то отстаивала. Теперь у матушки всё больше проблем со здоровьем, а с ними крадущаяся незаметно слабость и бесконечная усталость.

Ремизов уже подходил к своему дому. В такое время года свет здесь почти не выключают. День заканчивается в Петербурге рано, едва начавшись. Окна его квартиры на семнадцатом этаже были темными. Ремизова охватила тревога, будто кто-то сжал сердце суровой рукой. Свет в окне считался для них с матушкой своеобразным маяком в таких случаях: она всегда ждала сына до самого крайнего времени. Сегодня такого края не было, значит, что-то было не так, что-то случилось...

Ремизов быстро поднялся и сразу, не раздеваясь, вошёл в её комнату. Матушка его, казалось, просто спала. Он окликнул раз, другой, пока не понял, что случилось непоправимое... Страшно закричала кошка, чёрная шерсть на ней поднялась дыбом. Она словно давилась и хватала воздух открытой пастью, потом легла на пол с остановившимся взглядом и жалобно замыкала.

Его матушка, как могло сначала показаться, спала, но... на самом деле её уже не было. Похоже, что он опоздал совсем немного. Ремизов накрыл её пледом и присел рядом. На лице умершей отражался покой, а губы чуть тронула легкая улыбка. Видимо, она все сделала в тот последний момент осознанно. На журнальный столик матушка положила в черном атласном мешочке свои ключи, которыми уже не пользовалась более месяца, — теперь они ей совсем не нужны. Похоже, посмотрела в последний раз фотографии сына, внучки. Вот рядом, на полу, последнее прижизненное фото мужа, то есть отца Ремизова...

Матушка оставила жизнь без сожаления, она не боялась смерти и приняла кончину как благо. Так иногда говорили люди, но Ремизов увидел это впервые. Значит, жизнь её была чиста и бескорыстна. Она совершила своё последнее дело — ушла без страха и сожаления.

Ремизов куда-то звонил, затем в квартиру приходил врач. Потом Ремизов сам направился в поликлинику за справками. Теперь он снова сидел рядом с матушкой и смотрел в её лицо. Оно темнело, менялось и становилось пугающим. Ремизов открыл балкон, стараясь избавиться от появившегося запаха смерти... Всего несколько часов назад ничего не предвещало такого страшного исхода и он слышал ее голос... Кажется, сейчас от него ушел последний человек, который любил его столь бескорыстно, как может любить только мать...

Наконец приехали санитары из морга, что-то говорили Ремизову. Он поблагодарил их и уплатил по квитанции. Они намекнули, что все накидывают еще тысячу — так принято. Ремизов добавил. Матушку увезли...

Утро седьмого января. Морг.

Наступило Рождество, но здесь, кажется, не до праздников. У смерти нет выходных, поэтому в холле, перед страшной дверью, собралось много людей. Люди, конечно, здесь живые, только лица у них отмечены печатью присутствия смерти. От этого все они делаются похожими, независимо от социального статуса.

Вскоре из-за двери появился врач, не старый ещё мужчина. У него странные болезненно блестящие глаза. Он приглашает в свой кабинет очередных посетителей для оформления документов на покойника. Близкие усопших заходят по трое, им вежливо и подробно рассказывают о плохо работающих холодильниках, необходимости балзамирования и качестве современной косметики, произведённой по зарубежным технологиям. Называют общую стоимость услуг, сумма кажется многим неподъёмно большой... Посетители теряются и растерянно переглядываются, от этого кажутся ещё более растерянными. Но соглашаются все, даже старушка-пенсионерка, которой это едва ли по средствам: «Пусть все будет как у людей... Ведь в последний раз».

Теперь Ремизов, кажется, понимает, почему у этого врача такие странные глаза: у него страшная работа, на износ. Женщина — агент из похоронного бюро смотрит на Ремизова с заметным сочувствием. Может, здесь тоже нет искренности и это просто часть её имиджа? Так ли важно, ведь в морге платят не за сочувствие, а за услуги? Делает она это действительно хорошо.

Девятое января. Около часа пополудни.

Холодно. Серый хмурый день. Падает снег. У морга собираются родные и близкие. Говорят мало, многие курят. Отпевать будут здесь же, в маленькой часовне.

Ремизов и его дочь вошли туда раньше других и положили в ноги покойной памятные мелкие вещи. Пусть они всегда будут вместе с их матушкой и бабушкой...

Когда часовню наполнили остальные присутствующие, в зале стало тесно. Горящие свечи, запах ладана... Молодой священник, тяжелый и большой телом, неторопливо и важно ведёт обряд отпевания. У него густой и не очень приятный голос.

Теперь Ремизову происходящее казалось сов-

сем ненужным и странным. Почему его матушка лежит здесь? Что делают эти люди? Пусть они все уйдут, и он снова останется с ней один.

Ремизов держал свечу и неотрывно смотрел на матушку, её богато убранный гроб. Здесь она уже совсем не была похожа на себя прежнюю, живую. Её лицо никогда не было таким ярким, как после косметики. Это была уже не она, между ними прошла страшная граница и разделила их навсегда. Он вспомнил, как накануне дочка внимательно выбирала одежду для покойной. Она взяла её кремовую блузку с длинными рукавами и коричневую тёмную юбку. Матушка любила и умела красиво одеваться. Пусть так будет и в день похорон. Она всегда чувствовала себя женщиной, да и профессия учителя обязывала выглядеть достойно. Теперь всё это было закрыто покрывалом. Вот отпевание окончено, быстро прощаются. Гроб закроют, больше открывать не будут...

Северное кладбище, участок «Берёзовый».

Кажется, что холод проникает в самое сердце. Мёрзлая глина и песок... Многие ушли в автобус. Ремизов смотрел, как быстро вырастает песчаный холмик, устанавливают временный бетонный обелиск. Скоро все снова собрались у могилы, она тонет в цветах. Две зажженные лампадки добавили немного тепла и света. Ремизов поставил портрет матушки, такой же теперь всегда будет у него дома. Снова сыплет снег, за белой пеленой соседний лес выглядит странным призраком...

В тот день среди близких матушке людей как-то особенно выделялась её самая близкая подруга — учительница Валентина. Она стояла отстраненно, соединив руки крестом на груди, и часто поднимала глаза к небу, будто молилась. Весь её вид говорил о сдерживаемом горе и обиде. Она словно говорила: «Какое вы все имеете право плакать и пить эту водку? Разве вы знаете, каким святым человеком была усопшая? Можете ли вы любить её так, как любила ее я?»

Ремизов почувствовал это, и ему сделалось горько и стыдно. Водка обжигала горло, по телу растекалось расслабляющее тепло, но легче не становилось. В душе оставалась пустота...

Почему, пока все живы, мы стесняемся говорить близким самые лучшие слова и остав-

ляем их только для особых случаев? Как часто потом не успеваем их сказать и ставим эти бессмысленные памятники, словно пытаясь освободить себя от греха?

Спустя некоторое время Ремизов будет разбирать дома старые фотографии — пожелтевшие, черно-белые... Они словно кадры немого кино. Лица на них другие, теперь таких уже нет и не будет. Как много здесь коллективных фотографий выпускных классов матушки... Это же население целого города за всю её долгую трудовую биографию... Маленький гипсовый бюст Пушкина, личная библиотека... В их доме всегда было много книг, именно они считались самой большой ценностью: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Лев Толстой, Чехов... Всех здесь не перечислить. А вот брошюра Гончарова «Милльон терзаний. Критический этюд» лежала отдельно. Значит, ещё когда-то матушка снова перечитывала. Здесь же Экзюпери «Планета людей. Маленький принц». Вот контрольный итоговый диктант за седьмой класс «Портрет М. И. Цветаевой» Ариадны Эфрон на сто двадцать слов... А ты, Ремизов, сможешь так рассказать о своей матушке?

Она снова стояла перед его глазами, невысокая, стройная, с хорошей осанкой... Волосы у неё в молодости были совсем темные, а выгорая на солнце, они приобретали золотисто-каштановый оттенок. Глаза были карими с желтоватой зеленью. С возрастом в них появилась какая-то особая глубина и внутренний свет, будто матуш-

ке открылась неведомая другим людям мудрость.

Лицо широкое, открытое и доброе, с удивительной свежестью, которую она сохраняла долгие годы. Все его линии носили завершенный характер, словно работа хорошего скульптора. Брови шли тонкими дугами, за них муж, отец Ремизова, шутливо прозвал её своей монголкой... Рот казался мягким, но потом заботы добавили печальных морщинок.

В её лице не было ничего застывшего, всегда чувствовалось внутреннее движение, подобно изменяющимся облакам в небе или бегущей воде в ручье. В нём всегда раскрывалась матушкина душа...

Наступил новый день. Ремизову неожиданно для самого себя показалось, что люди вокруг стали другими. Вообще, всё странно изменилось, даже привычный привкус воды... Мир уже не был прежним, похожим на тот вчерашний. Ему казалось, что и он сам стал немного другим. Почему же раньше Ремизов этого так остро не чувствовал?

«Жить без прежних забот будет очень просто, — думал он. — Только это ещё не самое сложное. Гораздо труднее честно прожить оставшееся время и уйти так же достойно».

Сергей Иванович ПСАРЕВ.

Писатель, художник.

Автор книг, в том числе электронных,

«В поисках утраченного», «Страницы времени»,

а сборник повестей и рассказов «Прикосновение»

ИА «Невские новости» рекомендует читателям

в числе пяти «самых петербургских книг 2017 года».

Член Российского Межрегионального союза писателей.

Лауреат литературной премии журнала «Север».

Живет в Санкт-Петербурге.

